

Л.Д. Громова-Опульская

Хаджи-Мурат

Заглавный герой повести Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат» (1896–1904), реальное историческое лицо, знаменитый храбростью наиб (уполномоченный) Шамиля, в 1834–1836 один из правителей Аварского ханства. В 1851 перешел на сторону русских, потом пытался бежать в горы, чтобы спасти семью, оставшуюся в руках Шамиля, но был настигнут и убит.

Толстой говорил о Хаджи-Мурате: «Это мое увлечение». Более всего покорила писателя энергия и сила жизни Хаджи-Мурата, умение отстаивать свою жизнь до последнего. В истоке замысла — картина, увиденная летом 1896: непокорный «татарин»-репей, изуродованный, но все же уцелевший на вспаханном поле, напомнивший отважного горца. В первом наброске будущей повести, названном «Репей», Толстой написал: «“Молодец!” — подумал я. И какое-то чувство бодрости, энергии, силы охватило меня. “Так и надо, так и надо”». В образе Хаджи-Мурата, помимо отваги, свободолюбия, гордости, Толстой особо подчеркивал простоту (Хаджи-Мурат происходил не из богатой семьи, хотя и дружил с ханами), почти детское чистосердечие. В повести герою дана детская улыбка, прельщающая всех и сохранившаяся даже на мертвой голове (этой детали нет ни в одном из источников, прочитанных Толстым при работе; по подсчетам специалиста, этих источников более 170). Сознание своего достоинства соединяется в Хаджи-Мурате с открытостью и обаянием. Он очаровывает всех: и молодого офицера Бутлера, и Лорис-Меликова, и простую русскую женщину Марию Дмитриевну, и маленького сына Воронцовых Бульку.

История Хаджи-Мурата воссоздавалась Толстым и по личным воспоминаниям: на Кавказе он провел около трех лет. Брату Сергею Николаевичу в декабре 1851 Толстой писал из Тифлиса: «Ежели захочешь щегольнуть известиями с Кавказа, то можешь рассказывать, что второе лицо после Шамиля, некто Хаджи-Мурат, на днях передался русскому правительству. Это был первый лихач (джигит) и молодец во всей Чечне, а сделал подлость». Работая почти пятьдесят лет спустя над повестью, Толстой думал совершенно иначе. Прежде всего оттого, что отрицал войну, всякую войну, ибо люди, все люди — братья и обязаны жить в мире. Война оказывается нужной лишь двум лицам — императору Николаю Павловичу и вдохновителю «священной войны» против иноверцев имаму Шамилю. И тот и другой — жестокие, коварные, властолюбивые, безнравственные деспоты, одинаково резко осуждаемые Толстым. Хаджи-Мурат — их жертва, как и русский солдат Петруха Авдеев, которому так полюбились мюриды Хаджи-Мурата.

В ходе работы над повестью у Толстого была мысль показать одну отрицательную черту в Хаджи-Мурате — «обман веры». Вместо заглавия «Репей» появилось, было, «Хазават», но в первой же копии с автографа, в 1896, зафиксировано окончательное: «Хаджи-Мурат». Герою совсем не свойствен религиозный фанатизм. Повседневная молитва мусульман — намаз, совершаемый несколько раз в сутки, — все, что сказано о приверженности Хаджи-Мурата к своей вере. В 1903, рассказывая американскому журналисту Дж. Крилмену о своей работе, Толстой говорил: «Это — поэма о Кавказе, не проповедь. Центральная фигура — Хаджи-Мурат — народный герой, который служил России, затем сражался против нее вместе со своим народом, а в конце концов русские снесли ему голову. Это рассказ о народе, презирающем смерть».

Образ Хаджи-Мурата овеян подлинной поэзией. Горские сказания, легенды и песни, которыми Толстой восхищался задолго до работы над повестью (переписка 1870-х с А. Фетом); дивные описания природы, в особенности звездного неба, — все это сопровождает жизненный и смертный путь Хаджи-Мурата. Непревзойденная художественная

сила этих описаний восхищала Горького. По свидетельству поэта Н. Тихонова, когда повесть была переведена на аварский язык и ее читали люди, среди которых иные помнили Шамиля, они никак не могли поверить, что это написал граф, русский офицер: «Нет, это не он писал... Это писал Бог...» Ч. Айтматов, со своей стороны, восхищается психологическим проникновением в суть другого национального характера: «И Хаджи-Мурат, и его набы выписаны так, что их видишь и веришь их реальному существованию. Мне довелось говорить с потомками Хаджи-Мурата, и они утверждают, что Толстой создал достоверный, точный характер. Как ему это удалось? Секрет, великая тайна художника. Это тайна огромного сердца Льва Толстого, владевшего пониманием “человека вообще”».